Вишневый сад как райский

Божественная комедия Антона Павловича Чехова

что неизлечим - тогда медицина перед туберкулезом была бессильна. И, конечно, он не мог От земного к небесному не думать о жизни и смерти, о вечности и небе.

Москве, можно сопоставить со гнан из моей жизни». словами самого Чехова, обрахова, а споры вокруг него и во-

И еще: решением ЮНЕСКО 2004 год - чеховский.

Рай и есть сад

но еще рассматривать как ми- плоды запретного «дерева пофологему, если под этим пони- знания добра и зла» (Бытие, 2, мать заимствование у мифа мо- 16). Каждый по-своему поддалтива, темы или ее части – мифо- ся искушению змея, пусть и челогему райского сада. Собствен- рез учение Ницше, стать «как но говоря, словосочетание «рай- боги, знающие добро и зло» ский сад» тавтологично. Как ут- (Бытие, 3, 5). Каждому из героверждается в «Библейской эн- ев, кто не исполнил предназнациклопедии» 1891 года (чехов- чения «хранить» свой сад, предского времени), рай - «...слово стояло нести на себе высшее наперсилского происхожления и казание, уготованное Аламу: означает сад». Правда, этимоло- «...в поте лица будещь есть хлеб, гический словарь М.Фасмера не доколе не возвратишься в земподтверждает такое объясне- лю, из которой ты взят, ибо ние. Но С.С. Аверинцев, отмечая не вполне ясную этимоло- ся...» (Бытие, 3, 19). гию слова «рай», указывает на связь его с греческим словом тельств (авторская воля, лири-«парадиз» («сад», «парк»), произошедшим, в свою очередь, от гое) пьеса «Вишневый сад» еще

этом небрежении к своим обяиюля 1904 года (по занностям по отношению к сановому стилю) в ду - завязка в драме чеховских немецком курорт- героев, которые довели имение ном городке Ба- до разорения, продажи с торгов. денвейлер скончался А.П. Че- Они не «возделывают» и не хов. Как врач, Чехов давно знал, «хранят» свои малые «Едемские

Но дело не только в небрежении героев пьесы к саду. У Чехо-Бунин отмечал двойствен- ва всегда сосуществует множеность Чехова по отношению к ство смысловых рядов. Гораздо смерти: то «жизнь после смер- существеннее их другая вина. «В ти» считал «сущим вздором», то чем заключался грех первород-«...потом несколько раз еще ного человека?» - спрашивает тверже говорил противополож- крупнейший богослов совреное: «Ни в коем случае не мо- менности владыка Иларион жем мы исчезнуть после смер- (Алфеев) и видит этот грех в нети. Бессмертие - факт». Все эти послушании Богу. - Гордость размышления отразились в по- это стена между человеком и следней пьесе Чехова «Вишне- Богом. Корнем гордости являвый сад» (1904). В ней много ется эгодентризм, обращенвсего, в том числе и того, чему ность на себя, самолюбие, самоучили и учат в школе: сад - это вожделение. До грехопадения символ прошлого, настоящего единственным объектом любви и будущего России. Но в нем человека был Бог, но вот появиесть и другое - размышления о лась ценность вне Бога - дерево рае. В чем только не обвиняли показалось «хорошо для пищи, Чехова при его жизни! Напри- приятно для глаз и вожделенмер, в безверии. Но тогда поче- но»... - и вся иерархия ценносму реплику Вари, где она мечта- тей рушится: на первом месте ет о «пустыни», о паломничест- оказывается мое «я»... Для Бога ве «по святым местам» в Киеве, места не остается: Он забыт, из-

Если помнить, что чеховский щенными незадолго до смерти вишневый сад, мифологема рая, к Бунину: «Стать бродягой, то многое происходящее с геространником, ходить по святым ями пьесы можно передать слеместам, поселиться в монасты- дующим рассуждением того же ре среди леса, у озера сидеть лет- богослова: «...дух, вместо того ним вечером на лавочке возле чтобы стремиться к Богу, стал монастырских ворот...» Этих и душевным, страстным; душа других загадок в «Вишневом са- попала во власть душевных теде» много. Прошло сто лет по- лесных инстинктов, тело, в свою сле конца земного пути А.П. Че- очередь, утратило первоначальную легкость и превратилось в круг его последней пьесы не тяжелую греховную плоть... В утихают. Это предопределено жизнь человека вошли болезни, особенностью поэтики «Виш- страдания и скорби. Он стал смертен...»

Комедию Чехова можно рассматривать не только на архетипическом (то есть бессознательном), но и на неомифологичес-Чеховский сал из-за своей ком (то есть сознательном)

> Но помимо других обстояческий подтекст и многое дру-

ние Раневской ангелов, а затем и ная мама илет по салу... в белом платье!» Примечательна чеховская ремарка: «Смеется от радости». Это не сентиментальность (а если и юродство, то как знак близости к Богу), а то самое пребывают праведники на небесах и которое редко, но открывается и грешному человеку это «даже» дань поверхностной традиции не принимать его всерьез) видит в саде неземное.

Ведь это он первый произносит:

Здесь устойчивый к цвету- здесь. И тогда Раневская как ного рая на земле, созданного щему саду эпитет «белый» при- будто оправдывается: «Никого человеком (Петя Трофимов). многозначности предстает то уровне как историю изгнания обретает и другое значение - нет, мне показалось. Направо, образом, то символом, то зна- из рая. Обитатели вишневого святости; белый цвет связан со на повороте к беседке, белое деком, то дискурсом. Но его мож- сада каждый по-своему вкусили святостью. В этом контексте не- ревцо склонилось. Похоже на

Когла вхолит Петя Трофимов, не замеченный ею, Раневская все же еще повторяет: «Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...» но сад неминуемо поворачива-(по крайней мере не только сен- ется своей трагической сторотиментальность), не юродство ной, реплика Пети («...бывший учитель вашего Гриши») напоминает о том, что сад - это и мерайское блаженство, в котором сто гибели сына (конечно, не сам сад, а вода была этим местом, но и Эдем соседствовал с реками). Раневская, несмотря на на земле. Даже Гаев (впрочем, слова Вари («Воля Божья») ропщет, как Иов: «Мальчик погиб, утонул... Для чего? Для чего, мой друг?» Но обращается она не столько к Пете, сколько через него, поверх него, к Богу.

Ад, яблони и вишни

Потому, теряя рай, вишневый рай на земле, к раю небесному стремятся, осознавая то или нет, герои последней чеховской комедии. Но не все. И связано это с тем, что Чехов в своей пьесе на уровне подтекста, переплетения символики и мифологем обращается к спорам своего времени о правде небесной и правде земной, к утопической мечте многих мыслителей и писателей начала XX века об их соединении и о сотворении

Но прежде вернемся к мифологеме сада. В нем мерцает множество смыслов. Это и утруемый, как любое представление о рае, рай прошлого (для Раневской и Гаева), и воплощеможет быть, в первую очерель для Лопахина), и место грехопадения и изгнания из рая почти всех персонажей (может быть, исключением является Аня, хора), и воплощение. По крайней

нее - не только заземленным, к дом». тому же разговорным употреблением вместо «вишневых деревьев» слова «вишня».

сразу: «Не могу одобрить нашего климата. (Вздыхает.) Не мо-«недотепа», вложенному драмасмысле образ недотепы как олицетворение некоего человеческого свойства «конкурирует» в в выигрыше от продажи са- но на земле...» да...». В этом смысле, как это ча-

разнобой по отношению к од- бавляя при этом: «первый ма- нешься, мама!» ному из самых важных вопросе Чехова предстает еще и как сов в жизни начала XX в. - о вемифологема ада. Ада, чем пред- ре. Впрочем, может возникнуть сомнение - о Чехове ли это? Но кам писателя.

«В произвелениях Чехова ярко отразилось это русское искание веры, тоска по высшем смысле жизни, мятушееся беспокойство русской души и ее больная совесть», - писал на страницах журнала «Новый путь» С.Н. Булгаков в 1904 голу. Конечно, этот был период в жизни Булгакова, тогда еще только будущего о. Сергия, когла он сам нелавно перешел от ку Бога, но он считал, что устами Маши в «Трех сестрах» говорит сам Чехов: «Мне кажется, человек должен быть веруюшим или искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и красотой своего «Вишневого в тят, для чего дети родятся, для сада», стали в восприятии чита- чего звезды на небе...»

В связи с пьесой «Вишневый сад» С.Булгаков, противопоставляя Чехова Ницше, интертак: «Загадка о человеке в чеховние, или... никакого. В первом одной крышей с Д.С. Мережслучае он прямо приводит к сахристианской религии, учению о Голгофе и искуплении, во втому...» Так мифологема чеховского сада предстает еще в одном людских грехов страданиями.

Булгаков подметил, что «...последнее слово, обращенное Чеховым к русскому обществу, вложено в уста Трофимова: саду, с каждого листка, с каждосад из райского превращается в

слова, которых нет в окончакажется, вишневые деревья видят во сне то, что было сто, две- тие», «Христос» и «антихрист», писатель, литературовед.

назад: «Сейчас утренник, мороз сти лет назад, и тяжелые виде- имея в виду, безусловно, Мев три градуса, а вишня вся в ния томят их...» Но самое глав- режковского. Измайлов называцвету». Хотя реплика повторяет ное, по мысли С.Булгакова, в ет Чехова еще и «Никодимом, авторскую ремарку (первые призыве Чехова искупить свои приходящим ко Христу ночью». зрители ведь не могли познако- грехи «страданием, только нео- Мережковский приходил ко миться с ней), она отличается от бычайным, непрерывным тру- Христу «днем». Но все помнят,

Красный монах

В ней нет и намека на восхи- весь спектр русских споров о неба на земле. «Церковь есть щение красотой природы. На- правде небесной и правде земоборот, Епиходов добавляет ной. В первую очередь неверие живет и движется». Но этот радикально настроенного покогу. Наш климат не может спо- ный. Обращение Трофимова к собствовать в самый раз». Как Ане «бросить» «...ключи от хоподметила чеховед Э.А. Полоц- зяйства... в колодец...» можно кая, «у Епиходова как недотепы прочесть как призыв отказаться есть еще назначение: снижать от мечты о небесном рае - ведь высокий эффект сказанного это еще и ключи от небес. Потодругими, что так часто бывает у му-то Трофимов противопос-Чехова». И еще одно порази- тавляет «вишневому саду» друтельное по своей глубине на- гой: «Вся Россия наш сад». А в блюдение того же ученого. При- далее идущих словах - противодавая особое значение слову поставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, тургом в уста Фирса, и видя в есть на ней много чудесных «Вишневый сад продан, его нем емкую характеристику все- мест». Так блаженству небесного поколения начала XX века, го рая противопоставляется говорит Аня, упирая, согласно Полоцкая пишет: «В известном красота земли, земная правда.

Приходящий ночью Петя в четвертом действии, пьесе с образом вишневого сада обращаясь к Лопахину, дает ненескладехи... памятник всей лен и горд». Это ницшеанство, уходящей жизни». И законо- мироощущение сверхчеловека, Епиходов, у которого заземлен- своей цели: «Человечество идет ное, бытовое отношение к саду, к высшей правде, к высшему оказывается «тем, кто оказался счастью, какое только возмож-

Не принимает Чехов и друсто бывает у Чехова, второсте- гой вариант земного рая - лопапенный персонаж вырастает до хинский, который уже Мережуровня символа, предвосхитив- ковский называл «новым раем шего Грядущего Хама Д.С. Ме- земным - раем лопахинским режковского. Именно под над- дач». На самом деле с Лопахизором Епиходова гибнет сад. В ным все гораздо сложнее. В его И эта апмлитуда несходных, на то, что Мережковский име-

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой илее обратился Вл. Соловьев, позднее - Д.С. Мережков-

Сад в последней пьесе

что именно Никодим отдал последние почести телу Христа.

Чехов, конечно, знал об еще Мифологема сада отразила одной возможности обретения земное небо, где небесный Бог путь был для него трудным. Он ления, социалистов в рай небес- только мечтал о нем, и то из-

«Насадим новый сад»

При всей близости Чехову

толстовской идеи, что «царст-

во Божие внутри» человека, писатель по конца ее не разделял. Отголоски этого и многих небесной и правле земной в конце третьего действия. уже нет, это правда, правда, воле Чехова, дважды на слово правда, - но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя чистая, хорошая душа...» Что имеет в виду Чекак олицетворения природы и сколько иное самоопределение: хов? Мы можем лишь предповсей России», «образ недотепы, «Я свободный человек»; «...я си- лагать. Но здесь и отголоски идеи «жизни после смерти» потому она, жизнь, впереди. Не мерно, что именно неудачник но самое главное декларация случайно и упоминание души, которая обитает в небесном рае. Почему в рае? Потому что Чехов в своей пьесе описал очищение своих героев через страдания от грехов: потому «чистая душа». Дале речь идет о небесном блаженстве: «...и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солние в вечерний час...» Слова вообще-то страшные, конце концов существует мне- монологах сад предстает в раз- если не забывать о христианние, что все революции затева- ных значениях, не только как ской трактовке смерти как ются великими неудачниками. дачный рай. Обращу внимание конце земных страданий и обпорой взаимоисключающих нует Лопахина еще и «...пропо- щее солнце - это смерть. Потовосприятий сада отражает весь ведником вечной жизни», до- му и концовка: «...и ты улыб-

> новый сад, роскошнее этого...» не имеет отношения к трофимовскому раю на земле. Это речь и о саде духовном (толстовском), а главное - о саде райском, небесном.

Пьеса «Вишневый сад» еще и потому комедия, что изгнание из рая земного это начало пути к раю небесному

задачу не входит установление же мифологема «райского сада» восходит к одному из самых устойчивых в литературе библейскому, ветхозаветному представлению о саде-рае в первой дил Господь Бог рай в Едеме на востоке и поместил там челове- Как трактуется в «Библейской целью, для чего Бог поместил саду Едемском, чтобы возделысходном ключе понимал пред-

Достаточно оглядеться вокруг, посмотреть на этот чехов-

«Смеется от радости»

И здесь мы должны обратиться к еще одному значению книге Моисея «Бытие»: «И наса- чеховской мифологемы рая, восходящей к христианству. в Библии описывается, с какой в котором пребывали первые человека в сад: «...поселил его в венный, как вилимое блаженное вать его и хранить его» (2, 15). В ный, как состояние благодатного общения с Богом и духовноназначение человека на земле и го созерцания тварей». Позднее Чехов. Не случайно слово «раем называется и то блажен-«труд» так часто встречается в ное жилище небожителей и его письмах, произведениях, в праведников, которое наследуют они после Страшного Суда Божия». Другими словами, в Новом Завете рай помещается на небо. «...Ангелы небесные не Чехов «возделывал» и «хранил» невская о саде («О, сад мой!») свой сад. И совсем по-другому вслед за другой, тоже не случайотносились к вишневому саду ной фразой: «Весь, весь белый!»

древнеиранского «отовсюду и потому комедия, что изгнание «Сад весь белый!» Это вслед за огороженное место». Но в нашу из рая земного - это начало пу- ним повторяет Раневская: ти к раю небесному. И это не «Весь, весь белый!» Именно Гаев зарождения слова «рай». Сама драма, а закономерное течение напоминает сестре: «Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Ты не забыла?»

> Что же не должна забыть Раневская? Дорогу на небо, которая прошла через сад детства, былую чистоту, белизну, невинность. В этом контексте знаменитые слова Раневской («О, мое детство, чистота моя!») вместе с для «отцов», но и для «летей» репликами Гаева, которые казались Бунину «просто несносными», приобретают иной смысл.

Кстати, Раневская «смеется от радости» (добавим - от ощущения райского блаженства) в этом эпизоде дважды. Но это тя в комедии она все же не резосостояние редкое на земле. «Гос- нер, не положительный герой и подь с вами, мамочка», - одер- не является исключением из когивает Раневскую трезвая Варя, мического мировидения автокоторая сама мечтает о «пустыни», о паломничестве, но не по- мере замена рая небесного, и нимает, что то «благолепие», к полное отрицание существовакоторому она стремится, то есть ния этого небесного рая и вера райское блаженство, рядом, только в построение рукотвор-

«Сад ваш страшен...»

Олнако сад в последней пье-

стала земная жизнь - как след-

ствие оставленности человека

Бунин, упрекавший Чехова в

том, что он имел «...весьма ма-

лое представление о дворянских

помещиках, о дворянских

усальбах, о их салах...», предель-

но реалистичен. Его «яблоне-

вый» сал лишь часть имения,

обстоятельно прописанного.,

Нет злесь, к примеру, мифоло-

гического подтекста, хотя яб-

лочное дерево, от которого вку-

сили Адам и Ева, гораздо в

большей степени, нежели виш-

ня, восходит к библейской сим-

волике. И тем не менее природа

художественного образа такова,

что и антоновские яблоки Буни-

на, недовольного «...Чеховым...

еще и теперь чуть не всех пого-

ловно пленяющим мнимой

теля символом ушедшей мелко-

В чем-то нельзя не согла-

ситься с Буниным, который пи-

сал, что «...ничего чудесного не

было и нет в вишневых деревь-

ях, совсем некрасивых, как из-

вестно, корявых, с мелкой лист-

вой, с мелкими цветочками в

пору цветения (вовсе не похо-

жими на то, что так крупно,

роскошно цветет как раз под са-

иыми окнами господского дома

в Художественном театре...)».

Но у Чехова сад через свою кон-

кретную образность вырывает-

ся из времени и пространства и

там, по словам Андрея Белого, в

Вечном Покое, красив не только

в короткий срок своего цвете-

Сад воспринимается герояи чеховской пьесы по-разному и далеко не всем открывается своей таинственной стороной. Пля Семена Пантелеевича Епиодова, глазами которого читагели и зрители видят сад (если е считать ремарки к первому действию: «...цветут вишневые еревья, но в саду холодно, утренник»), он предстает в конкретном, бытовом, значении - в одном ряду со скрипящими сапогами, купленными три дня

Чехова предстает еще и как мифологема ада увлечения марксизмом к поис- ский. У Чехова было недолгое

сближение с Мережковскими. Писатель был знаком с журналом «Мир искусства»: С.Дягилев предложит в 1903 г. стать ему соредактором этого издания. Как раз из письма Чехова к рии в серьезность «религиознотал это «игрой в религию». Потому-то, мотивируя в письме от 12 июля 1903 г. к Дягилеву отказ претировал «Вишневый сад» от предложения стать соредактором журнала, среди других ской постановке может полу- причин Чехов называет и тачить или религиозное разреше- кую: «...как бы это я ужился под ковским, который верует опремому центральному догмату деленно, верует учительски, в то же время как я давно растерял свою веру и только с недоумебезналежнейшему пессимиз- интеллигентного верующего».

Вопрос о чеховской вере решить в небольшой по объему работе невозможно, приведу только одно суждение А.А. Измайлова из статьи «Вера или неверие (Религия Чехова)», кото-«...неужели с каждой вишни в но видел в этих словах другой, непохожий на Мережковского веческие существа, неужели вы двоение», но Измайлов сравнине слышите голосов...» И здесь вает его с евангельским «Нафанаилом, у него были мгновения скал к себе, вообще не считал страшен, и когда вечером или ресторанных разговоров...». Как ночью проходишь по саду, то... пишет критик, он не «жонглирует словами «Бог», и «бессмер-

Но туда, в царствие небесное, при всей его притягательмятся лишь в релкие минуты просветления. Они меняют рай небесный на рай земной. И это не знать, для чего журавли ле- Дягилеву мы знаем о его неве- пахин создает еще один суррого движения» в России. Он счи- маковый, который еще дает до-Варя не идет в пустынь. После катастрофы, после продажи вишневого сада «все успокоиворит Гаев. С ним соглашается Раневская: «Да. Нервы мои лучше, это правда... Я сплю хо-

И только Фирс, у которого, по его признанию, «ничего не шенной на грехе привязанности к земной жизни, идет в «бели он других, безгрешнее? Вряд отринул земное. «Лежит непорый приводил процитирован- за ней идет другая ремарка, поное письмо Чехова к Дягилеву, следняя в пьесе: «Слышится отго ствола не глядят на вас чело- тип веры. У Чехова было «раз- смертия, в которое, как уже говерил. Или хотел верить. Так и часы священных раздумий ская «Божественная комедия», Правда, С.Булгаков вклады- под смоковницей. Но в эти где, как у Данте, изображены ад вает в уста чеховского героя мгновения он никого не подпу- и рай. Для этого совсем не надо тельном тексте пьесы: «Сад ваш веру предметом салонных или это состояние души. С Богом и